

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ О МУЗЫКЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ: СТАТУС И НАЗНАЧЕНИЕ В АНТРОПО-СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Материалом для данной статьи послужили некоторые древнекитайские тексты с VIII по I в. до н.э.), актуальность которых очевидна, поскольку музыка рассматривается, с одной стороны, как имеющая свой исток в великом начале, с другой – как являющаяся способом ценностного взаимодействия человека с миром.

Ключевые слова: совершенство, гармония, музыка, небо и земля, *инь и ян*, *дао*, *дэ*, *ци*, человек и государство.

Как известно, ядром философского знания выступает общефилософский идеал, названный древними греками калокагатийной триадой: красота, добро, истина. Имеющие смысл высших метафизических сущностей, красота, добро, истина в земной жизни человека соединяли в себе ценности чувственно-выразительного проявления, идеалы нравственного поведения человека и тягу к познанию. Эти ценности присущи и Востоку, но в философском осмыслении по-другому в отношении к ним. Если физическое и метафизическое на Западе в какой-то мере разумом искусственно разделялось и разделяется до сих пор, то на Востоке эти сущности воспринимаются слитно, перетекают одна в другую, этическое и эстетическое не отделяется из области знания. Здесь дело в том, что само понимание мудрости на Востоке исходит не из человека, точнее, человеческого интеллекта и способности к рассудительности, при этом в Античности руководствовались этическим принципом: мудрость – слово – добродетель, – а от природы, притом одухотворенной природы, с которой нужно уметь «договариваться», ценностно взаимодействовать. Иначе говоря, не в том современном европейском смысле, которое ведет к пониманию преобразования природы и ее эксплуатации. Человек высокого достоинства – это совершенномудрый человек. Характерен подход не на основе человеческого эгоцентризма, а тот, который выражен эко-этической формулировкой: экологическая природа эстетична, или весь Универсум есть наш дом. И человек существует не просто в мире, человек существует с миром. В этом заключается истина. Вправить человека в доброе русло мирового единого пути, согласно китайской философии, должны ритуал, обряды, искусство, и прежде всего музыка. Посредством звука, цвета,

вкуса человек, рожденный от *дао*, приходит в этот земной мир и пребывает в нем, пронизанный природой, *дао* и *дэ*, материализующей *дао*.

Роль музыки в Древнем Китае настолько велика, что музыка мыслилась не столько видом искусства для удовольствия, сколько регулятором человеческого бытия, считалась делом правителей царств, использовалась согласно регламенту, поскольку имела магическую силу воздействия, обусловленную ее глубинной связью с «великим началом». Музыка не отделялась от «небесного пути», от действий правителя, благосостояния Поднебесной в целом, осуществляющей свой путь, от ритуала и морали, от самого образа жизни людей. По характеру и специфическим особенностям песен, плясок, игры на музыкальных инструментах, которые звучали в том или ином царстве либо местности, судили о состоянии общества. Более того, философская мысль наблюдала и поучала: как с помощью музыки следует регулировать все дела. Для этого специально устанавливались правила музыкального сочинительства. Музыка являлась одним из главных средств управления в государстве, она всегда имела этическую окраску в восприятии и символическое значение. Следовательно, согласно древнекитайскому толкованию музыки, среди ее многочисленных функций можно обозначить в антропо-социальном аспекте регулятивную, мировоззренчески-гармонизирующую функции как смыслообразующие и морально-идеологическую, политическую функции как проявленные непосредственно в социальном строе. Далее следует выделить познавательную, врачевательную (психотерапевтическую), воспитательную и другие антропо-социальные функции музыки. Такое осмысление назначения музыки в ка-

честве государственного регулятора своеобразно согласовывалось с представлением о гармоничном существовании человеческих сообществ с миром природы, космоса, звезд, солнца и луны, с великим единым, небесным путем.

Уже ранние исторические памятники Древнего Китая «Цзо чжуань», охватывающие события с VIII по V в. до н.э., содержат высказывания о статусе и назначении музыки. Так, в летописи 1-го года Чжао-гуна (541 г. до н.э.) сказано: «Надо быть умереннее. Музыка древних правителей показывает, как регулировать дела. Поэтому был установлен ритм для пяти звуков, чтобы медленные и быстрые [звуки] от начала до конца гармонировали между собой. Когда гармоничность звуков достигнута, музыка кончается; когда пять [звуков] сыграны, недопустимо продолжать [извлекать из инструмента другие звуки]. Поэтому благородный человек не слушал непристойную музыку, извлекаемую беспорядочно движущимися пальцами, развращающую слух и вредную духу, заставляющую забыть о покое и гармонии. ...Когда благородный человек берется за лютню, то это для того, чтобы упорядочить ритм, а не предаваться душевному веселью» [1, с. 10]. Высказывается мысль о том, что отсутствие меры не только в музыке, но и в отношении нарушения умеренности в других чувственных влияниях ведет к болезни. Здесь прослеживается одна из черт древнекитайской эстетической традиции – культура психотерапии музыкой как выражение ценностного отношения человека к миру.

В те времена различали формальный обряд в ритуале, такой, например, как взаимное приветствие и обращение людей друг к другу, от сущности ритуала, который, по убеждению китайских мыслителей, основан на постоянстве движения неба, на порядке явлений на земле и поведении людей. По словам Тай-шу-цзы, «ритуал – это устои [в отношениях] верхов и низов, основа и утук неба и земли. Он дает жизнь народу» [1, с. 13]. За образец берется подражание ясности небесных явлений и согласование с ними всего, что существует в земном мире. Небо и земля порождают шесть состояний *ци* и пять первоэлементов, воплощенных в пяти звуках, пяти цветах, пяти запахах. «Но если этим злоупотреблять, – говорил конфуцианец *дафу* Чань-цзы, – то всё перепутается, и народ утратит свои природные качества» [1, с. 12].

Отметим, что основу китайской музыки составляет пятиступенный звукоряд, получивший европейское название «пентатоника», в отличие от древнегреческих ладов из семи звуков или поздних октавных. Ритуал, по писанию Чань-цзы, создан для поддержки природных качеств человека, регуляции иерархических отношений в социуме, подражающих порядку на земле и на небе. Поскольку в народной традиции утвердилось шесть состояний *ци*, из которых возникает хорошее или плохое, добродушие или злобность, грусть или радость, то необходимо регулировать эти планы проявления чувств, в частности через музыку: «Когда грустно, следует плакать и лить слезы; когда радостно – петь и плясать.... Когда скорбь и радость своевременны, то можно достичь состояния гармонии с природой неба и земли» [1, с. 13]. Заметим, что уже в ранних текстах утверждается принцип умеренности, «середины», а вместе с тем покоя и полезности, который определяется порядком в смене времен года, шести состояний *ци* и который порождает равновесие, гармоничное сочетание вкусо-цвето-слуховых ощущений. Слишком много звука, слишком много цвета так же плохо, вредно для жизни, как и слишком много *инь* или *ян*, холода, ветра, дождя. Любой избыток или недостаток отзывается в человеке и создает душевное расстройство, слабость здоровья. Принцип умеренности, спокойствия и гармонии утверждается через многие древнекитайские летописные тексты, он же лежит в основе теоретических и философских суждений о музыке.

Другой принцип выражает сущность круговорота и постоянства в природе, которому должны следовать люди в своих деяниях и образе мысли. Отсюда неизменны правила использования музыки по назначению. Так, Гуань Чжун, видный политический деятель VII в. до н.э., приводя суждения, направленные на усовершенствование государственного управления, выделял три постоянства, которые открылись однажды и действуют неизменно: «...Небу свойственны постоянные явления, земле свойственна постоянная форма, человеку свойственны постоянные нравы. Однажды созданные [они] не меняются; это называется тремя постоянствами» [1, с. 15]. Долг правителя – сохранять единство трёх постоянств, объединять их и управлять ими, а дело подданных – раздельно ведать ими и в соответствии с должностными обязанностями следовать

им. Должно согласовывать свои действия с явлениями неба, формой земли и нравами людей. Значит, можно сказать, что общечеловеческие ценности незыблемы, гарантом чего выступает триединое постоянство. Принцип морали, постановления и законы непосредственно исходят от правителя, от него зависит хаос или порядок в стране. Правитель руководствуется высшим принципом – принципом *дао*. И для ценностей существуют постоянные правила, как писал Гуань Чжун, поэтому совершенномудрые государи знали *дао* и ценили законы *дао* выше, чем своё государство. Поскольку и человеческая жизнь и все вещи принадлежат *дао*, и путь музыки находится в *дао*, то уточним по текстам древнекитайской философии, что есть *дао*, обратив внимание на сущность данного понятия, выражающего гармонию мира, идеальное Совершенство, всепроникаемость.

«*Дао* – это то, что создает жизнь человека, а не порождение человека... *Дао* – это основа всех вещей» [1, с. 17]. Рядом с *дао* в человеческом бытии всегда выступает категория *дэ*, «*дао* и *дэ* существуют неразрывно» [1, с. 30]. *Дао* пребывает в *дэ*, можно сказать, что *дэ* представляет собой материализацию *дао*, согласно великой гармонии *дэ* – это нравственная сторона *дао*. «То, что пусто и лишено форм, называется *дао*. А то, благодаря чему формируются и изменяются вещи, называется *дэ*» [1, с. 26]. *Дао* бесформенно, *дэ* – вместительное *дао*, через *дэ* познается сущность *дао* [1, с. 28]. «*Дао* ясно, как будто находится около нас. Оно туманно, как будто его невозможно отыскать. Оно необъятно, как будто без конца и края. Это *дао* находится недалеко [от нас], и [мы] ежедневно употребляем его *дэ*» [1, с. 51-52]. «*Дао* – это то, чем наполняется тело, а люди не могут его крепко удержать. ...Форм его мы не видим, звука его мы не слышим, но [все вещи], опираясь на него, достигают совершенства. ...*Дао* не имеет [определенного] места пребывания, оно задерживается в добрых сердцах. ...Природа *дао* такова, что оно не терпит волеизъявления и шума. Усовершенствуя свое сердце и успокоив свою душу, можешь овладеть *дао*. *Дао* – это то, что нельзя выразить словами, оно не доступно нашим глазам и ушам. При его помощи осуществляется духовное и физическое совершенствование» [1, с. 52].

С древнекитайским видением музыкальной гармонии мира связано и такое понятие, как *ци*,

поскольку музыка – это движение, вызывающее всегда вибрацию души, позитивный или негативный отклик, согласно ценностному восприятию мира. *Ци* в древнекитайском тексте трактуется как «внутренняя деятельность» или, перефразируем по-своему, как тончайшие нити некоей светлой силы, духовной энергии, с помощью которой рождаются вещи. *Ци* отчасти можно сравнить с античной категорией «энтелехия», т.е. то, что обнаруживает себя как стремление воплотиться в форму, энтелехия выступает как бы вездесущим механизмом в процессе созидательной деятельности. Поэтично описана «внутренняя деятельность» в главе, посвященной *дао* и *ци*. Соединение «тончайших [*ци*] в вещах ведет к порождению [чего-нибудь]. На земле оно рождает зерна, а на небе образует звезды. [Тончайшие *ци*], которые распространяются между небом и землей, называются духами, а те, которые таятся внутри человека, называются [умом] совершенномудрого. Их называют *ци*, потому что они светлые, если они поднимаются в небеса; они темные, если погружаются в глубину земли; они необъятные, если пребывают в морях; они высокие, если находятся на горных вершинах. Поэтому эти *ци* нельзя силой остановить, их можно успокоить лишь добродетелью, ...встречать сердечностью. Почтительно беречь их – это называется совершенством добродетели» [1, с. 51]. *Ци* – это то, чем наполнено тело человека. Если *ци* наполняет тело человека в норме, то тогда и сердце способно к познанию [1, с. 31]. Великое *дао* невыразимо словами, но оно выражается музыкой, гармоничной, упорядоченной, успокаивающей сердце и направляющей ум на добродетель. Небесное *дао* – пусто, земное – спокойно [1, с. 26]. Светлый ум пребывает в *дао*, когда сердце содержится в чистоте, его двери открыты, сам же ум не может все предусмотреть. Смысл недеяния, понимаемый как основа *дао*, уясняется тем, что все вещи отличаются друг от друга по форме и по положению, тем, что оно есть духовное спокойствие, которое способствует упорядоченности действий без корыстных помыслов. Чистая душа ведет к спокойствию, а спокойствие – к совершенству, ведущее к пронизательности, а пронизательность присуща духу. Дух же – самое дорогое, что есть на свете [1, с. 28]. «Недеяние называют *дао*» [1, с. 29]. «Недеяние *дао* означает соблюдение естественности [вещей]» [1, с. 30], что означает, согласно древнекитайскому писанию,

отказ от корыстных целей, предвзятого мнения, смешения истины с вымыслом. Показателем становления человека на правильный путь является его уравновешенное душевное состояние. Как пишет Гуань-цзы, совершенное сердце не может быть скрытым внутри человека, оно проявляется в выражении его лица, во всем облике и образе его жизни. Совершенное сердце при своем проявлении ярче, чем солнце и луна. Процветание жизни народа зависит от справедливости и спокойствия совершенномудрых правителей, а нарушение норм жизни происходит от чрезмерной радости и веселья, печали и гнева. При этом лучшим средством, устраняющим гнев, по Гуань-цзы, является музыка, а лучшим средством, ограничивающим веселье, служит ритуал [1, с. 34]. Назидание таково: почтительный внешний вид и спокойное внутреннее состояние непременно восстанавливают собственную природу у человека. Во взглядах поздних моистов, которые все явления рассматривали с точки зрения простолюдинов и нередко противопоставляли свою позицию конфуцианской, в главе «Дацзюй» («Большой выбор») говорится о пользе музыки, когда ею занимаются не в целях чувственного удовольствия, а ставя воспитательные задачи прежде всего. Вот какой совет дается относительно выбора музыки для молодых: «Если [создают] музыку для своего сына, с тем чтобы удовлетворить желания сына, то это является [выражением] любви к своему сыну. Если же [создают] музыку, чтобы принести пользу сыну, когда он требовал этого, то это не [может рассматриваться] как [подлинная] польза для сына» [1, с. 85].

Если мы обратимся к такой музыкальной категории, как гармония, то увидим, что понятие гармонии в Поднебесной связывалось скорее не с согласием и благозвучием звуковых отношений музыкального искусства, а с великой гармонией небесного пути, гармонией в природе и гармоничным состоянием в социуме: «Солнце ведаёт *ян*; луна ведаёт *инь*, Суй ведаёт гармонией. *Ян* – это нравственность; *инь* – это наказание; гармония – это [государственные] дела» [1, с. 47]. Гармония предполагает «середины». В «Учении о середине» сказано, что «середины являются наиважнейшей основой действий людей в Поднебесной» [1, с. 119]. Состоянием середины называли такое положение вещей, когда люди не проявляли ни удовольствия, ни гнева, ни радости, ни печали, а когда эти эмо-

циональные настроения души находились в умеренном виде, что и называлось гармонией; «гармония – это путь, которому должны следовать [люди] в Поднебесной» [1, с. 119]. Достижение состояния середины и гармонии устанавливает порядок в природе, и тогда «все сущее расцветает». Середина, умеренность, которые доставляют не столько удовлетворение желаниям, сколько покой (отсюда и ценность недеяния), составляют основу жизни. В «Основах жизни» – философском памятнике III в. до н.э. – данное положение объясняется следующим образом. Начало жизни положено небом, долг людей – ее поддерживать, задача же сына неба, правителя, заключается в том, чтобы сохранить в целостности то, что породило небо. Назначение вещей состоит в том, чтобы удовлетворять потребности людей, однако часто люди подчиняют вещам свою жизнь. Это происходит от незнания о главном в жизни. Что же это главное? Путь сохранения природы человека в целостности, который достигается в том случае, если придерживаться середины. К примеру, плохо, когда звук действует на слух оглушающе или цвет ослепляет, не создавая эстетического удовольствия. Вместе с тем эстетическое в китайской философии по отношению к звуку, цвету, вкусу сочетается с полезным.

Гуань-цзы, мыслитель VII в. до н.э., рассуждал о связи мирового порядка, гармонии жизни и музыкальной гармонии в небесном пути следующим образом. Человек рождается оттого, что небо дает ему духовное начало – тончайшее *ци*, а земля – тело, от их соединения формируется человек [1, с. 56]. Гармония духовного и телесного образует жизнь. При отсутствии гармонии – нет жизни. Однако состояние гармонии незримое и несравнимое, непросто в таком случае найти путь гармонии. В человеческой жизни есть два опасных состояния, которые мешают долголетию и которые нужно избегать. Это чрезмерная радость и чрезмерный гнев. В преодолении этих критических эмоциональных переживаний, а также в ограничении пяти субъективных чувственных желаний и в достижении уравновешенности и спокойствия лучшим средством является искусство, причем для сдерживания гнева – поэзия, для устранения печали – музыка, для других чрезмерных состояний рекомендуется соблюдать правила ритуала и почтительности. Грусть вредна для человека тем, что выводит из строя, а гнев – из

равновесия, и тогда нет места *дао*. Гуань-цзы придавал большое значение «искусству сердца», искусство это заключается в соблюдении *дао*. В этом смысле сердце человека сравнивалось с государем на троне, моральный выбор которого предполагает следование *дао*. Если человек «полон страстей, то его глаза не видят цвета, уши не слышат звука» [1, с. 25]. «Искусство сердца» состоит в том, чтобы оно не было охвачено страстями, не вмешивалось в дела органов «слуха и зрения». Итак, главной задачей каждого китайца было – не отступить от правильного пути *дао*. Дао, как и чудеснейшие ци, по словам Гуань-цзы, пребывает в сердце человека, но оно то приходит, то уходит или может сделаться очень малым, что не войти внутрь его, или таким великим, что не отыскать внешних пределов.

Книга «Ли-цзы», создававшаяся с IV по I в. до н.э., представляет собой изложение философских взглядов Конфуция на установление порядка. Среди них есть «Записки о музыке». Само понятие «ли» еще у Лао-цзы, как и понятия *дао*, *дэ*, *ци*, вмещает богатство смыслов, словами невыразимое. Приведем одно из объяснений *ли*: «Всякое *ли* – это деление на квадратное – круглое, короткое – длинное, грубое – тонкое, твердое – хрупкое. Поэтому лишь после того, как *ли* установилось, вещи смогут обрести *дао*» [1, с. 252].

Конфуцианство больше придавало значения установлению правил поведения. Вместе с тем в книге «Ли-цзы» имеет место мысль о музыке, которая мыслилась как эстетико-психотерапевтическая культура чувств. Конфуцианство называет семь чувств, которыми следует управлять: радость, гнев, скорбь, страх, любовь, отвращение, вождление. Этим чувствам не нужно учиться, они свойственны человеку естественно, учиться следует тому, что именуется человеческим долгом, который проявляется в справедливых отношениях. Вождление, предметом которого являются питье, еда, мужчины и женщины, и отвращение, которое возникает по причине утрат и бед, составляют две крайности человеческого сердца. Человеческое сердце скрыто, сердечные переживания невозможно измерить. «Прекрасное и безобразное – все таится в человеческом сердце, но цвета его не увидишь. ...Человеку присущи качества земли и неба, в нем совокупаются светлое и темное, сливаются дух и душа, смешиваются совершенные *ци* пяти стихий» [1, с. 106]. Светлое и темное – это «силы *инь* и *ян*, которые, вза-

имно переплетаясь, то убывая, то прибывая, движут миром» [1, с. 345]. К пяти стихиям как началам относили металл, дерево, воду, огонь, землю. Пять стихий, распределенные по четыре временам года, обретают гармонию, отчего прибывают и убывают двенадцать лун. Соответственно и в музыке, как пишется в книге «Ли-цзы», предусматривающей порядок во всем, в том числе и в музыке, гармонизирующей существо и социальную жизнь человека, пять звуков и двенадцать аккордов (по шесть светлых и темных) сменяют друг друга и возвращаются к главной ноте *гун*. Поясним, что ноты и тоны предполагают наличие системы того или иного пятиступенного звукоряда, где звуки не беспорядочны и хаотичны в движении, а ладят между собой (отсюда понятие «лад»), согласуются на основе соподчиненности и тяготения друг к другу, неся смысл. Пять тонов (звуков, или нот) пентатоники, образующих китайскую гамму, получили следующее название: *гун*, *шан*, *цзюэ*, *чжи*, *юй*. Пентатоника лежит в основе общей китайской музыкальной системы, оперирующей двенадцатиступенным хроматическим рядом, получившим название *люй*, использование которого создает большое разнообразие звучания в светлых и темных тонах-тональностях.

Поскольку человек как средостение земли и неба живет в мире ощущений, то в правилах ритуала и установлений *ли* вслед за музыкой отмечена роль пяти вкусовых удовольствий и пяти цветов. Регламентируются двенадцать видов пищи на каждый месяц и двенадцать типов платья со своей расцветкой, соответствующей месяцу года.

Мудрые правители вырабатывали нормы поведения, обряды и направляли музыкальную культуру на то, чтобы научить народ соразмерять любовь и ненависть и исправлять тех, кто нарушает истинный путь поведения человека. Человек по своей природе добр, а не зол, однако формирование и развитие человека происходит в процессе познания окружающего мира, в мире вещей, который завлекает и истощает человека желаниями. «Человек рождается чистым, – сказано в «Записках о музыке», – в этом дарованная уму небом натура. Сталкиваясь с окружающим миром, его натура приходит в движение, и в ней рождаются желания. Когда предметы и явления познаются, формируются чувства любви и ненависти к ним. ...Ведь окружающий мир воз-

действует на человека бесконечно, а любовь и ненависть человека не имеют предела... Когда человек изменяется под воздействием окружающего мира, в нем погибают дарованные небом качества, и он истощает себя в желаниях» [1, с. 118]. Должно выработать в себе качества, способствующие умерять изнутри желания. Именно поэтому, как отмечается в «Записках о музыке», мудрые *ваны*, устанавливая правила поведения, обряды и нормы музыки, определили четкие рамки для поступков и посредством музыки приводили в гармонию чувства народа. Музыка входила в законы, касающиеся упорядочивания состояния царства. Так, полноту пути древних правителей осуществляли четыре устоя: правила поведения, нормы музыки, наказания и управление. Таким образом, в данных рассуждениях подняты социально-идеологический, этический, психологический аспекты музыки. Правила назначения музыки носят характер руководства музыкой, с помощью которой можно не только врачевать человека, но и «врачевать» государство, умерив чувства и упорядочив дела в царствах. «Пути [развития] музыки имеют много общего с управлением страной» [1, с. 116]. В гармонично управляемом государстве музыкальные звуки мирные и доставляют радость, в неупорядоченном обществе музыкальные звуки злобны, агрессивны, а в гнущем царстве они печальны и вызывают тоску. Каждый из тонов, нот и звуков заключают в себе символику. Например, нота *гун* символизирует правителя, *шан* – чиновников, *цзюэ* – народ, *чжи* – дела государства, *юй* – окружающие предметы. Если эти пять нот не перепутаны, то и нет фальшивых, негармоничных звуков, что свидетельствует о благополучии. «Если тон *гун* расстроен, то звуки беспорядочны, [а это значит, что] правитель высокомерен; если тон *шан* расстроен, то звуки грубы, [а это значит, что] чиновники испорчены; если тон *цзюэ* расстроен, то звуки тревожны, [а это значит, что] народ недоволен; если тон *чжи* расстроен, то звуки печальны, [а это значит, что] народ изнурен; если тон *юй* расстроен, то звуки обрывисты, [а это значит, что] богатства государства оскудели. Когда же все пять тонов гаммы расстроены, они мешают друг другу, и это называется распушенностью. При таком положении дни гибели государства близки» [1, с. 116-117]. В качестве негативных примеров соотношения состояний обществ и музыки ука-

зываются негармоничные звуки песен княжеств Чжэн и Вэй, где царица распушенность, и мелодии гнущего царства Санцзяни на реке Пушуй. Итак, музыка созвучна управлению в стране. Вместе с тем «музыка имеет много общего с законами [вещей] и правилами поведения» [1, с. 117]. Дикие звери и птицы различают голоса, но не знают музыкальных тонов, простой народ знает музыкальные тоны, но не ведает музыки, «и только совершенный человек в состоянии понимать [настоящую] музыку. Поэтому нужно вникнуть в голоса и звуки, чтобы понять музыкальные тона», только вникнув в музыкальные тоны, можно прийти к пониманию самой музыки, а через нее и вступить на правильный путь. Следовательно, не всякая музыка полезна для человека, а та, которая исходит от чистого сердца, принадлежащего *дао*. С тем, кто не разбирается в голосах (не чувствителен к интонации), не воспринимает музыкальных тонов, нельзя найти понимание в толковании о музыке и добродетелях. То, что называется добродетелью, означает овладению музыкой.

Так говорится в «Записках о музыке». Иными словами, речь идет о музыке мирового *дао*, музыке души и духа и телесно воспринимаемых музыкальных звуках, что напоминает известную иерархию трех видов музыки по Боэцию: мировую, человеческую, инструментальную, т. е. музыка как гармония мира, музыка человеческой души, связанной с космосом, и музыка, производимая музыкальными инструментами, собственно музыкальное искусство. Однако в Древнем Китае речь не идет о трех ипостасях музыкального бытия, эманации музыкального. Древнекитайская музыкальная гармония, трактуемая нами как субстанция, всепроникаема и вездесуща от свойства *дао*, ее сущность неизменна, а ее бытие выражается в непрестанном движении, в процессе перетекания *инь* и *ян* и их гармоническом равновесии. Как мы понимаем, музыка – текучая сущность мира, ее начало лежит в глубине и сокрыто, что и определяет строгие правила ее использования для человеческого существования.

«Музыка – это то, что рождается из звуков. Их основа в сердце человека, а движения человеческого сердца порождаются всеми внешними предметами» [1, с. 115], то есть всякий музыкальный звук возникает в сердце человека, которое трепещет, реагирует на явления внешнего мира. Пробужденное миром сердце приходит в движе-

ние, и это выражается в музыкальных звуках, которые при определенных условиях благозвучно сочетаются, гармонируют, порождают тональности. Собственно музыкой последователи Конфуция называли звуки-тоны, исполненные голосом и на музыкальных инструментах с применением щитов, боевых топоров, перьев фазана и бычьих хвостов. Музыкальные инструменты сопровождали пляски и танцы. Гармонично созданная музыка согласовывалась с правилами поведения и с законами вещей. Смысл музыки в Древнем Китае лежит более глубоко, чем непосредственно воспринимаемые музыкальные звуки, исходящие из человеческого сердца и привлекаемые на музыкальных инструментах, он зависит от музыкального мироощущения, мировосприятия, ценностного отношения к миру. Понимать музыку – означает приблизиться к правильному поведению и вписаться в великий путь.

Воспитательная, или ритуально-преобразовательная, функция музыки видится как гуманная благодать. Принцип гуманности рассматривается в связи с действием правителей и нравственным поведением ученых, которое представлено в конфуцианстве как должное для совершенномудрых. При этом в гуманном отношении музыка, согласующаяся с правильным поведением, ставится в высокий ранг ценностного человеколюбия. Если «ритуал и обряды – это обличие гуманности», «речи и беседы – это ее украшение», то «песни и музыка – это благозвучие гуманности» [1, с. 140], а дело ученых, приносящих пользу и раздающих накопленные знания, – это дары гуманности, сам же ученый, обладающий широтой души, не решится сказать, что он обладает гуманностью. Поскольку гуманность, как и музыка, находятся в ведении *дао*.

Сущность музыки изложена в древнем памятнике «Люй-ши Чунь Цю» (III в. до н.э.), в главе «Великая музыка». Характерно, что музыка в данной книге представлена в контексте жизненных ценностей: основы жизни, дарованной небом, ценности отношений, в которых проявляется уважение к себе, т.е. достоинство человека, категории справедливости, понятия целостности жизни и других. В главе, непосредственно посвященной «великой музыке», дается краткое описание музыки как процесса и выражения великой гармонии. Согласно изложению, исток

музыки далек, ее основание находится в великом начале, в великом едином, *дао*. Поэтому не случайно она создавалась по определенным ритмам и тонам. Великое начало породило небо и землю, а они – постоянно изменяющиеся *инь* и *ян*, которые то взлетают вверх, то опускаются вниз, то расходятся, то сходятся, соединяются между собой, образуя явления. Это и есть неизменный путь неба. Так и в музыке, в ее ритмичном движении благозвучно сочетаются высокие и низкие звуки. Небо и земля в своем движении напоминают колесо колесницы, которое совершает круговращение. Замечено, что звезды, солнце и луна имеют различный ритм движения, что ритмично сменяют друг друга четыре времени года, когда дни бывают то короткие, то длинные – и это тоже имеет отношение к великой музыке. Все тела занимают определенные места, и каждое из них имеет свой звук. Звук порождается гармонией, а гармония происходит от соответствия середине противоположных начал. Так осуществляется великий процесс, движение мира и движение в мире, что, безусловно, имеет отношение к музыке. Музыка сущностно великая, потому что «музыка – это то, что выражает гармонию неба и земли, согласованность *инь* и *ян*» [1, с. 298]. Вместе с тем «музыка создается в определенных условиях, и служит она урегулированию желаний. Если желания не будут уклоняться [от правильного пути], то музыка может быть создана. Она создается соответствующим методом, который непременно исходит от [принципа] спокойствия» [1, с. 298], которое порождается справедливостью и соблюдением законов *дао*: «Великая музыка» – это та, которая приносит радость и веселье [всем] – государю и подданным, отцам и сыновьям, старым и малым. Радость порождается спокойствием, а спокойствие происходит от соблюдения *дао*» [1, с. 298]. «Великая музыка» проходит свой путь вместе с государствами, являясь выразителем их уровня благосостояния в каждый исторический момент. Она существует вместе с миром человека, сопровождая и регулируя его жизнь как высшую ценность, поскольку, согласно трактатам древнекитайской философии, совершенномудрый человек, глубоко анализируя все явления, приходит к выводу, что самой ценной на свете является жизнь. Музыка – это жизнь.

Использованная литература:

1. Древнекитайская философия. Собрание текстов в дух томах. Т. 2. М., «Мысль», 1973.